

Д. Разаускас (Вильнюс)

РЕТРСКИЙ МОРСКОЙ КАБАН
В СВЕТЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ БЫЛИЧЕК
О «РЫБНОМ ПАСТУХЕ»

В литовской фольклорной традиции, особенно в быличках¹, известен образ «рыбьего пастуха» или, как он иногда называется по-русски, «рыбного пастуха». Например:

Dar mano tėvas pasakodavo, kad kažkoks žmogus nuvažiavęs Žagarinės miškan samanų. O buvęs šeštadienis. Jis rauna samanas ir girdi – ežere, – tik nežinau, ar Luodžio, ar Žagarinės, – triukšmą. „Na, – mano sau, – šiandien žydams šventa, kas ten gali žvejoti?“ Na, nuėjo prie ežero ir žiūri. Agi nendryne sėdi koks žmogus, plaukais apsileidęs, ir kai švilpia, tai karšiai uodegom pūkšt, pūkšt, pūkšt. Tai, sako, ten buvęs žuvų pietuo ‘Еще мой отец рассказывал, что какой-то человек поехал в лес Жагарине за мхом. А была суббота. Он рвет мох и слышит: на озере – только не знаю, на озере Луодис или Жагарине, – шум. «Ну, – думает про себя, – сегодня у евреев праздник, так кто же там может ловить рыбу?» Ну, пошел к озеру и смотрит. А в камыше сидит какой-то человек, весь обросший волосами, и когда он свистит, лещи хвостами бух, бух, бух. Это, говорят, там р ы б н ы й п а с т у х б ы л’ (SV 1987, 26).

Как справедливо заметила Л. Бугене, «этот образ рыбного пастуха скорее всего возник в связи с тем, что рыба представлялась в качестве озерной скотины – свиньи» (Būgienė 1999, 51). Такое представление проявляется в народной традиции начиная с простого сопоставления (например, *Čia pavasari sugaudavo žuvių kai paršiukų* ‘Здесь весной ловили рыб как поросят’ [LKŽ XX, 1009]) и кончая полным отождествлением:

Viename ežere sugavę labai didelę žuvį su striuka uodega. Namie susūdę jos mėsą. Naktį ir ėmę po paežerę šaukyt: – Čiuka čiuka, sriktuodege!

¹ Всего в двух вариантах быличек: LMD I 474/145 и LTR 1569/8 (Būgienė 1999, 51), последний из которых и приводится далее.

Ir šaukindams atėjęs į namus. Po langu ėmęs prašyt:

– Atiduok mano kiaulę!

Tie žmonės rytą nuvežę tą susūdytą žuvį, į ežerą suvertę. Daugiau nieko nebegirdėję

‘В одном озере поймали очень большую рыбу с коротким хвостом. Дома ее мясо засолили. Ночью начал кто-то у озера покрикивать:

– Чух чух, короткохвостая!

И покрикивая подошел к дому. Под окном стал просить:

– Отдай мою свинью.

Те люди утром отвезли эту солёную рыбу, свалили в озеро. Больше ничего не слышали’ (SV 1987, 29; варианты ŠLSA 1975, 274, № 480; Balys III, 508, № 807).

Еще один пример:

Prieš karą, kai aš dar buvau maža, mano tėvelis Juodeikių ežere, netoli Šiaulių, gaudydavo žuvis. Jiems begaudant, vieną sykį įkibo tokia didelė žuvis, kad net arklį reikėjo į tinklą kinkyti jai ištraukti. Parvežę susūdėm tą žuvį, tai iš jos buvo geras puskubilis mėsos.

Po to naktimis vis kažkas tėvelį išmesdavo iš lovos ir vis rėkdavo:

– Atiduok mano kiaulę!

Mes patys matydavome, kaip jį mesdavo ant grindų iš lovos. Paskiau vis tiek reikėjo sumesti tą žuvį atgal į ežerą.

Sumetus tėvelio jau nebemetė iš lovos.

‘До войны, когда я была еще маленькой, мой батюшка в озере Юодейкю, под [городом] Шяуляй, ловил рыбу. Один раз во время ловли им попалась такая большая рыба, что даже коня пришлось в сеть впрягать, чтобы ее вытащить. Дома засолили эту рыбу, так из нее получилось добрых полчана мяса.

После этого по ночам батюшку все сбрасывало с кровати, и кто-то кричал:

– Отдай мою свинью!

Мы сами видели, как его сбрасывало с кровати на пол. Потом все равно пришлось выбросить эту рыбу назад в

озеро. Как выбросили, так батюшку больше не сбрасывало с кровати' (LD 1979, 31; LT IV, 577, № 596; SV 1987, 29)².

Подобного рода былички не менее хорошо известны и в латышской традиции:

Netālu no Taurkalnes ir kāds ezers, ko sauc par Aklezeru. Zivis tur tagad neaug, un arī senāk neesot augušas. Senāk kāds zvejnieks atcirtis aļiņģi tad, kad zivis slāpušas. Viņš izvilcis vienu zivi, kas bijusi ar strupu asti. Zvejnieks sakūris uguni un gribējis zivi cept. Te no ezera dibena atskanējusi bals: „Cūk, cūk, lielā, cūk, cūk, mazā, cūk, cūk, visu maziņā, visas cūkas ir, tik strupašķes nav.” Zivs mudīgi noņemties no uguns un pa aļiņģi ielēkusi ezerā 'Недалеко от Тауркальне находится озеро, которое называют Аклезерс. Рыба там сейчас не водится, и раньше не водилась. Раньше один рыбак прорубил прорубь, когда рыба стала задыхаться. Он вытащил одну рыбу с коротким хвостом. Рыбак развел огонь и хотел уже рыбу жарить. Но тут со дна озера раздался голос: «Чух, чух, большая, чух, чух, маленькая,

² Таких быличек имеется семь вариантов (Būgienē 1999, 51). Особая связь рыбы со свиньей продолжает ощущаться и в ослабленном виде, например, в следующей басне под названием *Kiaulē ir žuvis* 'Свинья и рыба':

Vienā kartā žuvis pamatē kiaulē ir pradējo iš jos juoktis, sakydama:

– Kokia tu bjauri! Kojos išklypusios, plaukai kaip adatos, nešvari. Pažiūrėk į mane, kokia aš graži! Plaukioju tyru vandenėliu.

Kiaulė atsakė:

– Nors tu ir graži, bet tave kai žmonės valgo, tai spjaudos, o mane kai valgo, tai ir pirštus nulaižo!

'Один раз рыба увидела свинью и стала над ней смеяться, приговаривая:

– Какая ты противная! Ноги кривые, волосы как иглы, грязная. Посмотри на меня, какая я красивая! Плаваю в чистой водичке.

Свинья ответила:

– Хотя ты и красивая, но когда тебя люди едят, то плюются, а меня когда едят, то даже пальцы облизывают!' (LT III, 164, № 70; см. Balys III, 34, № 137).

Рыба и свинья здесь противопоставлены, т.е. тождество их явно отрицается, но, как заметил Потевня по другому поводу, «без сомнения, такое сравнение с отрицанием предполагает положительное, а потому новее последнего» (Потевня 2000, 7).

чух, чух; всех малей, все свиньи здесь, только короткохвостки нет». Рыба живо бросилась от огня и через прорубь ушла в озеро' (ЛТТ 1991, 207).

Следует обратить внимание на то, что на месте свиньи в таких быличках может появляться боров:

Viens vīrs paņēmis garu diegu, iesējis akmeni galā un gribējis Pakulu ezeru izmērīt, cik dziļš būs. Bet diegs izbeidzies, un dibenu nevarējis atrast. Vilcis diegu atpakaļ, bet nu manījies, ka akmens palicis arvienu smagāks un smagāks. Izvilcis visu – are: diega galā liels asaris piekodies. Nesis asari mājā. Bet tur pie Pakulu ezera bijušas dzirnavas, kur šis pats vīrs tai laikā dzīvojis. Te naktī pats dzirnavnieks dzird, ka pa slūžam briesmīgi plēšas un kliedz: „Deglais, deglais! Mans deglais v e p r ī t i s!” Dzirnavnieks sacēlis visus puišus un gribējis kliedzēju aiztriekt, bet nekā: blāvis arvienu. Beidzot ieskatījies labi – vai re: liela zivs turpat plosīt plosās un grib vai visu dambi nojaukt. Nebijis citādi līdzams: palaiduši asari atpakaļ un tad dabūjiši mieru ‘Один человек взял длинную нить, привязал камень к концу и хотел измерить озеро Пакулу, какой оно будет глубины. Но нить кончилась, а дна не смогла достать. Потянул нить назад, но видит, что камень стал намного тяжелей. Вытащил всю – вот тебе на: к концу нити большой окунь прицепился. Понес окуня домой. А там у озера Пакулу была мельница, где этот человек тогда жил. Тут ночью сам мельник слышит, что под шлюзом что-то страшно бушует да кричит: «Пёстрый, пёстрый! Мой пёстрый б о р о в у ш к а!» Мельник поднял всех батраков и хотел прогнать крикуна, но никак: кричит да кричит. Наконец взгляделся получше – да ну: большущая рыба там бушует и уж хочет всю плотину разрушить. Ничего другого не осталось: отпустили окуня назад и так добились спокойствия' (ЛТТ 1991, 265-266).

Заслуживает внимания в этом отношении известная вставка 1261 г. в русский перевод «Хроники» Иоанна Малалы с пересказом литовского мифа о Совии, нашедшем и проложившем через огонь посмертный путь в блаженное царство света и таким образом основавшем обряд

сожжения трупов. Миф в пересказе русского переписчика звучит так:

Совий бе человек. Оуловившию емоу дивии вепрь, иземие из него 9 селезницъ и въдасть еи испечи роженным от него. Онем же изъедшим е, разгневався на рождьшихся от него покушашесе снити во ад. Осмерыми враты не възмог, девятыми хотение свое ополоучив роженным от него, рекше сыном. Братии же его негодовавшим нань, испросися оу них, дошед възыщю отца своего. И прииде в ад. Отцю же вечерявшю с ним, сътвори емоу ложе и погребу и в земли. На оутрие възпроси его възставшима, доброли покоище име. Ономоу же възпвишу: ох, чръвми изъеден бых и гады. Паки же наоутрии сътвори емоу вечерю и вложышемоу и во древо и положи и. На оутрие възпроси и. Онже рече, яко бчелами и комары многыми снесен бых; ух ми, яко тяжско спях. Паки же наоутрие сътворив крадоу огненоу великоу и връже и на огонь. На оутриех възпроси его: добрели почи? Ономоу же рекушу: яко детищъ в колыбели сладко спях.

О великаа прелестъ диавольскаа, яже въведе в Литовскый род, и Ятвезе, и в Проусы, и в Емь, и во Либь и инья многы языки, иже Совицею наричются, мянще и душиам своим суца проводника в ад Совия. Бывшоу емоу в лета Авимелеха, иже и ныне мертва телеса своя съжигаютъ на крадах [...] (BRMŠ I, 266).

О «мифе Совия» в последние десятилетия появилась богатая литература (которую приводить здесь нет смысла), он стал едва ли не центром внимания исследователей литовской мифологии, однако нашей темы непосредственно касается только статья литовской фольклористки Б. Кербелите, в которой исследовательница сопоставляет вепря из «мифа Совия» именно с боровом или свиньей из быличек указанного выше типа, буквально – с кабаном, лит. *tekis*, из соответствующего литовского варианта. «Таким образом, – по словам автора, – *дивии вепрь* в анализируемом тексте может означать *dievo tekis* ‘божий кабан’, т.е. *рыбу*». Определение вепря *дивии*, в свою очередь, понимается не как ‘дикий’, а либо как ‘дивный, удивительный’, либо, в непосредственном сопоставлении с литовским *dievas* ‘бог’,

как 'божий', чем в обоих случаях, по мнению автора, подчеркнута необычность вепря, располагающая к сопоставлению его с рыбой. (Можно напомнить, что уже А.Ю. Греймас указывал на то, что определение «дикий» к слову *вепрь* является излишним, т.е. плеоназмом, и приводил в качестве примера перевод Маннхардта *wunderbarer Eber* [Greimas 1990, 356].) Далее Б. Кербелите обращает внимание на глагол в выражении *Оуловившио емоу дивии вепрь* и замечает, что «трудно представить, как можно “словить” на охоте вепря, в то время как рыба именно ловится» (Kerbelytė 1993, 49). Мы в свою очередь заметим, что хотя миф пересказан на русском языке и не позволяет обратиться к балтийскому оригиналу, русское слово *вепрь* этимологически полностью отвечает латышскому *vepris* 'боров' (Фасмер I, 292; Karulis II, 507), уменьшительно *veprītis* в приведенной выше быличке, в которой «рыбий пастух», как мы видели, призывает свою рыбу словами: *Deglais, deglais! Mans deglais veprītis!* 'Пёстрый, пёстрый! Мой пёстрый боровушка!'. Причем литовское географическое название *Vepriai*, по словам К. Буги, «предполагает существование слова *vepris* и в литовском» (Būga II, 648-649)³. Если указанные сопоставления правомерны, то *дивии вепрь* из вставки в «Хронику» Малалы полностью соответствовал бы лит. *dievo *vepris* и лтш. *dieva vepris* 'божий боров', а Совий, «словивший» этого «дивьего вепря», оказался бы сродни рыбаку из указанного рода быличек, словившему рыбу-свинью «рыбного пастуха».

В славянской народной традиции, по словам А.В. Гуры, «мифическим хозяином, предводителем (“водом”), царем над рыбой и “рыбным пастухом” считают водяного (Белоруссия). По русским представлениям, он ездит верхом на соме, паст рыбу под водой, перегоняет ее из озера в озеро, заключает с рыбаками договор о рыбе (Архангельская губ., Шенкурский у., Харьковская губ. (?)), может

³ См. Фасмер I, 292; Karulis II, 507; Walde, Hofmann I, 57; Pokorný 1959, 323.

не напустить ее в сети (Вологодская губ., Сольвычегодский у.), наказывает за ловлю рыбы ночью (Тамбовская губ., Елатомский у.). Водяной и сам может появляться в образе рыбы (Польша, Вармия и Мазуры), например, осетра, сома (Архангельская губ., Шенкурский у., Харьковская губ. (?); также совр. Тарнобжегское воев., Модлибозице), пудовой щуки (Вологодская губ.), реже – карася или налима или в виде получеловека-полурыбы (Смоленская, Могилевская губ.), человека с сомовьей головой (совр. Минская обл., Столбцы)» и т.п. (Гура 1997, 750).

В связи с образом рыбного пастуха ср. такие славянские названия рыб, как рус. *конюх* ‘уклейка’, ‘пескарь’, с.-хорв. *говедар(ка)* ‘пескарь’, ‘щиповка’, *говедарац*, *говедарак*, *говедарица* ‘пескарь’, болг. *говедарка* ‘пескарь’, ‘быстрянка’, ср. фр. *bouvière* ‘горчак’ (*bouvier* ‘погонщик быков, волопас’), рум. *boarcă* ‘горчак’ (*boar* ‘погонщик быков, пастух’) (Усачева 2003, 149). С другой стороны, не менее ярко славянские ихтионимы отражают образ рыбы-скота, в первую очередь, рыбы-свиньи: ср. рус. *свиночка* ‘донской ёрш’, укр., блр. *свинка*, пол. *świnia*, *świnka*, словц. *švinka* ‘подуст’ («о подусте говорят, что он всеяден, как свинья, любит заходить в муть, где находит для себя корм; возможна другая мотивация – по форме части тела: сильно выдающийся конический хрящеватый нос, напоминающий рыло свиньи») (Там же, 157-158), укр. *свинога* ‘краснопёрка’ (Там же, 137), с.-хорв. *свиња риба* ‘осетр’ (Там же, 129), также «ср. с.-хорв. название усача *прашица* – так как издает звук, похожий на хрюканье свиньи» (Там же, 74). Ср. также латинское название осётра *porco-piscis*, буквально ‘свинья-рыба’ (Walde, Hofmann II, 310) и т.п.

Следует также обратить внимание на тесную связь со свиньей самого водяного, выступающего, как было сказано, в роли «рыбного пастуха». Например, «в одной из польских быличек человек пытается поймать свинью, которая ускользает от него и скрывается под водой» (Левкиевская 2002, 501). В Белоруссии, «чтобы водяной не слизывал смазку с мельничных колес, мельники бросали в воду сало, внутренности или мясо свиньи» (СД I, 399; см. СМ 2002, 83). В России, в окрестностях Новгорода верили,

что водяной непосредственно сам может быть свиной (РС 2000, 95); так, «по рассказу из Новгородской губернии, когда отыскивали утонувшую девушку, *то ныряли в воду. Один мужик нырнул, нашел девушку и хотел ее вытащить за волосы, но на ней сидела свинья. В другой раз нырнул – то же самое. Приготовляясь нырять в третий раз, он перекрестился. Водяной – это был он в образе свиньи – скрылся. Утопленница была вытащена, но к жизни ее не удалось вернуть»* (РС 2000, 104; см. ЭС 1998, 71). В русских рыбацких приметах «встреча со свиной предвещает добычу» (Криничная 2001, 484), поскольку водяной может показываться в виде свиньи. При этом вспоминается один из древних мифологических рассказов, согласно которому, по словам Н.М. Карамзина, «гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу Славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах» (Криничная 2001, 456-457).

Здесь как раз имеется в виду упомянутый в заглавии рассказ из «Хроники» Титмара Мерзебургского (VI.23-24), IX в., о древнем городе балтийских славян Ретре и пересказанная им легенда «о том, что, когда городу угрожало какое-нибудь несчастье, из вод моря показывался огромный вепрь, сверкавший белым клыком: *Testatum idem antiquitas errore delusa vario, si quando his saeva longae rebellionis asperitas immineat, ut e m a r i praedicto a p e r magnus et candido dente e spumis lucescente exeat, seque in volutabro delectatum terribili quassatione multis ostendat*» (Иванов, Топоров 1965, 37-38; см. Топоров 1966, 147). Буквально: «Верящие издавна различным заблуждениям, они [жители Ретры] считают, что если им угрожает продолжительная и жестокая война, то из упомянутого моря выходит огромный кабан с белыми и блестящими клыками, и многие видят, как он катается по болоту, сопровождаемый страшными сотрясениями земли» (ХИСВ I, 314). При этом В.Н. Топоров считает сверкающего клыками вепря символом солнца (восходящего из или из-за моря), а славянское солнце-Сварога, отца огня-Сварожича, почитавшегося в той же Ретре, сопоставляет с (ятвяжско)-

литовским Совием (Топоров 1966, 145-148; см. Иванов, Топоров 1965, 37-38)⁴. Примечательно и то, что если в латышской быличке выступает *vepris*, а в описании литовского мифа на русском используется слово *вепрь*, родственное лтш. *vepris* и лит. **vepris*, то морской кабан, или же вепрь, в легенде балтийских славян, записанной на латыни, назван опять же родственным латинским словом *aper*. Речь идет, собственно, об одном и том же слове, отразившемся с незначительными искажениями в разных родственных языках (наряду с балто-славянскими и италийскими ср. еще германское **ebura-* ‘вепрь’ > англосакс. *eofor*, др.-в.-нем. *ebur*, нем. *Eber* и др.). Таким образом, есть все основания полагать, что и в славянском устном оригинале легенды присутствовало именно слово, соответствующее балто-славянскому **цeрjа-*⁵.

За пределами балто-славянской традиции дополнительно можно обратить внимание и на немецкую быличку уже известного нам типа, пересказанную на русском, например, А.А.Потебней (со ссылкой на «Beiträge zur deutschen Mythologie» Вольфа [J.W. Wolf]): «В Мекленбурге есть озеро, которое, как говорят, стало на месте провалившегося города. Окрестным жителям запрещено (кем? – А.П.) ловить там рыбу. Раз, несмотря на это, рыбаки закинули там вечером невод и вытащили огромную щуку. Вслед за тем слышат, что под водою женский голос скликает свиней.

⁴ Сын Совия соответственно гипотетически принимается за воплощение огня – сына «небесного огня» Солнца. К уподоблению солнца свинье ср. хотя бы следующее литовское поверье: *Kai lyja lietus ir Saulė tuo metu šviečia, pas mus sako: „Kiaulė juokiasi”* ‘Когда идет дождь, и Солнце в то время светит, у нас говорят: «Свинья смеется»’ (Balys IV, 247, № 203). В этом, однако, не обязательно нужно видеть противоречие связи вепря с подводным миром и рыбой. Ср. замечание Дж.Дж.Фрэзера о том, что «обитатели острова Тимор жертвуют черную свинью богине земли, чтобы выпал дождь, белую или рыжую – богу солнца, чтобы сияло солнце» (Фрэзер 1998, 82). В свою очередь, рыба также имеет непосредственное отношение к солнцу, о чем говорится в другом месте.

⁵ Относительно данной формы см.: Karulis II, 507; Walde, Hofmann I, 57; см. Фасмер I, 292; Pokorny 1959, 323.

Потом мужской спрашивает: “Всех уже собрала?” – “Девяносто девять есть, а одноглазого борова нету”. И опять послышалось скликанье свиней. Тогда щука выпрыгнула из лодки с криком: “Здесь, здесь”, – и все затихло» (Потебня 2000, 256). В свою очередь в Шотландии верили, что «если, после того, как крючок наживлен, помянуть свинью или свинство, этот крючок непременно будет оборван», или «если свинью или свинство помянут в море, рыбак должен прикоснуться к гвоздям своей лодки и сказать *cauld airn*, иначе не миновать ему несчастья» (ЭС 1998, 392).

Что касается германской традиции, в связи с легендой балтийских славян о морском кабане, показывающемся на море близ города Ретры в случае военного нападения, интерес представляет древнескандинавский эддический кеннинг корабля *brimsvín*, буквально – ‘в е п р ь м о р я’ (Стеблин-Каменский 1979, 40). И германская традиция в этом опять же не составляет исключения. По словам Я. Курсите, «объединения слов типа кеннинга характерны также для латышских мифологических песен. Так, например, лодка или к о р а б л ь обозначается через черную / зеленую с в и н ь ю» (Kursīte 1996, 170)⁶. Ср. соответственно русскую загадку с ответом «к о р а б л ь или лодка»: *Едет с в и н ь я от сына, на обеих концах по рылу* (Загадки 1968, 134, № 4480).

Один довольно интересный материал в отношении связи рыбы, свиньи и корабля имеется среди исторических источников по балтийской мифологии. Это «Прусская Хроника» 1583 года, автор которой, историк Лукас Давид, кроме всего прочего, рассказывает о том, как в 1520 году,

⁶ В одной латышской песенке свинья садится в лодку с тем, чтобы ловить рыбу, в чем можно увидеть контаминацию рыбного пастуха в облике свиньи со «свиньей» в качестве лодки:

<i>Brāļi, brāļi, māsa nāk,</i>	‘Братья, братья, сестра приходит,
<i>Ko mes māsu mielosim?</i>	Чем мы сестру угостим?
<i>Celsim cūku laiviņā,</i>	Посадим свинью в лодку,
<i>Lai zivtiņu pazvejo.</i>	Пусть р ы б у половит’ (BDS, № 26575-2).

во время угрозы нападения польских военных кораблей на Самланд и Кёнигсберг, магистр Тевтонского Ордена в Пруссии Альбрехт во избежание грозящей опасности обратился за помощью к прусскому жрецу Вальтину Суплиту, который обещал отогнать польские корабли от берегов Самланда при помощи обрядов и жертвоприношений местным богам. По рассказу Лукаса Давида, «для того, чтобы это совершить, ему нужен был совсем черный бык или бычок, которого он хотел бы у моря, в присутствии их всех [местных крестьян], по древнему обычаю отцов принести в жертву» (*solches ins Werck zu stellen musste er einen ganz schwarzen Bollen, das ist Stier oder Farren haben, den er an der Sehe in aller Jrer Beisein opfern wolte nach altem Brauch und gewonheit Jrer Vetter*), и после «он сам заколол быка» (*hat er selbst den Stier oder Bollen geschlachtet*) (BRMŠ II, 257). Обряд удался, и вражеские корабли действительно прошли мимо и отошли прочь от берегов Самланда (позже выяснилось, что морякам на месте обжитого побережья виделся суровый дикий берег, совершенно непригодный для высадки). *Doch ist dieß Vngemach nach dem gethanen Opfer endstanden vnd den Pauren am Strande dieser Vnfall widerfahren, das sie von der Zeit an des geschlachten Stiers oder Pfarren vngefehr in sechs oder sieben Jaren keine Fische fahen köndten* ‘Однако такая беда вслед за совершённым жертвоприношением случилась и такое несчастье постигло приморских крестьян, что они с того времени, как был заколот бык или бычок, в течение то ли шести, то ли семи лет не могли поймать ни одной рыбы’ (BRMŠ II, 258). Вследствие этого над жителями, основным промыслом которых было рыболовство, нависла другая угроза – голод. Так что пришлось опять обращаться к жрецу. Вальтин Суплит признался, что совершил опрометчивую ошибку и «в то же самое время, когда он заколол быка и принес у моря в жертву богам, он отогнал от суши всё, не только врага, но и рыбу» (*dann zu der Zeit, da er den Stier hette geschlachtet vnd den Göttern am Strande geopfert, habe er alles vom Lande gewiesen, daß also nicht alleine die feinde, sonder auch die Fische*) (BRMŠ II, 259). Тем не менее жрец сказал, что знает способ, как вернуть рыбу, а для этого

«они должны только купить черную свинью и хорошо ее откормить. [...] И когда свинья была хорошо откормлена, жрец велел принести свинью и пиво, как раньше быка, к морю у [села] Рантау, где он, сопровождая свои действия какими-то диковинными движениями, заколол, опалил, очистил и прекрасно приготовил эту черную, хорошо откормленную, жирную свинью» (*soltén Jme alleine eine schwarze Sau keuffen, vnd woll feist machen. [...] Vnd da die Sau woll gemest vnd feist war worden hatt der Waideler die Sau vnd Bier wie vormalß den Stier oder Bollen an den Strand bei Rantau führen lassen, da er dieselbe schwarze woll gemeste feiste Sau, mit etlichen sunderlichen geberden, geschlachtet, gebrüett, rein gemacht, vnd fein zugericht*) (BRMS II, 259), таким образом исправляя допущенную им ранее ритуальную ошибку, после чего рыба вернулась к берегам Самланда.

Во всяком случае, здесь, как и в случае морского кабана под Петрой, речь идет о чудесной защите во время угрозы военного нападения, причем нападения на кораблях с моря. С другой стороны, жертвоприношение свиньи ради возвращения рыбы напоминает приведенные выше былички о «рыбном пастухе», хлопочущем о своей пропавшей свинье. Того же «рыбного пастуха», наконец, можно узреть и в сообщении М. Стрыйковского в «Хронике Польской, Литовской, Жмудской и всея Руси» (1582) о литовском речном божестве *Upinis Dewos, co rzeki miał v swojej mocy; a temu prosięta bieluchne ofiarowali, iżby przezroczysta woda płynęła* 'Upinis Dewos, который имел реки в своей власти; и ему приносили в жертву беленьких поросят, чтобы текла чистая вода' (BRMS II, 513).

Все это ставит ретрского морского кабана, или вепря, в ряд известных мотивов, позволяя тем самым видеть в нем, с одной стороны, мифологического водяного, а с другой, гипотетически, – метафору вполне реального военного корабля (флота), готового выступить на защиту своего города.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Гура 1997 – А.В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. Москва, 1997.
- Загадки 1968 – Загадки / Издание подготовила В.В. Митрофанова. Ленинград, 1968.
- Иванов, Топоров 1965 – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). Москва, 1965.
- Криничная 2001 – Н.А. Криничная. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов, т. I: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». Санкт-Петербург, 2001.
- Левкиевская 2002 – Е. Левкиевская. Мифы русского народа. Москва, 2002.
- Потебня 2000 – А.А. Потебня. Символ и миф в народной культуре: Собрание трудов. Москва, 2000.
- РС 2000 – М. Власова. Русские суеверия. Санкт-Петербург, 2000.
- СД I, II – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в пяти томах. Под редакцией Н.И. Толстого, т. I-II. Москва, 1995-1999.
- СМ 2002 – Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Издание 2-е, исправленное и дополненное. Москва, 2002.
- Стеблин-Каменский 1979 – М.И. Стеблин-Каменский. Древнескандинавская литература. Москва, 1979.
- Топоров 1966 – В.Н. Топоров. Об одной «ятвяжской» мифологеме в связи со славянской параллелью // *Acta Baltico-Slavica*, III. Białystok, 1966.
- Усачева 2003 – В.В. Усачева. Славянская ихтиологическая терминология: Принципы и способы номинации. Москва, 2003.
- Фасмер I-IV – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I-IV. Санкт-Петербург, 1996.
- Фрэзер 1998 – Дж.Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Москва, 1998.
- ХИСВ I – Хрестоматия по истории средних веков, т. I: Раннее средневековье. Москва, 1961.
- ЭС 1998 – Энциклопедия суеверий / Составители: Э. и М.А. Рэдфорд (английские суеверия); Е. Миненок (русские суеверия). Москва, 1998.
- Balys I-IV – J. Balys. Raštai, t. I-IV. Vilnius, 1998-2003.
- BDS – Krišjāņa Varona Dainu skapis // <<http://www.dainuskapis.lv>>.

- BRMŠ I – Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai, t. I: Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos / Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1996.
- BRMŠ II – Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai, t. II: XVI amžius / Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius, 2001.
- Būga I–III – K. Būga. Rinktiniai raštai, t. I–III. Vilnius, 1958–1962.
- Būgienė 1999 – L. Būgienė. Mitinis vandens įprasminimas lietuvių sakmėse, padavimuose ir tikėjimuose // Tautosakos darbai, t. XI (XVIII). Vilnius, 1999.
- Greimas 1990 – A. J. Greimas. Tautos atminties beieškant. Apie dievus ir žmones. Vilnius-Chicago, 1990.
- Karulis I–II – K. Karulis. Latviešu etimoloģijas vārdnīca, sēj. I–II. Rīga, 1992.
- Kerbelytė 1993 – B. Kerbelytė. Algirdas Julius Greimas – Mitologinių tekstų aiškintojas // Tautosakos darbai, t. II (IX). Vilnius, 1993.
- Kursīte 1996 – J. Kursīte. Latviešu folklorā mītu spoguļi. Rīga, 1996.
- LD 1979 – Laumių dovanos: Lietuvių mitologinės sakmės / Paruošė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1979.
- LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas, t. I–XX. Vilnius, 1956–2002.
- LMD – Lietuvių mokslo draugijos rankraščiai Lietuvių tautosakos rankraštyne.
- LT III – Lietuvių tautosaka, t. III: Pasakos / Medžiagą paruošė L. Sauka, A. Seselskytė. Vilnius, 1965.
- LT IV – Lietuvių tautosaka, t. IV: Pasakos, sakmės, pasakojimai, oracijos / Medžiagą paruošė L. Sauka, A. Seselskytė, N. Vėlius, K. Viščinis. Vilnius, 1967.
- LTR – Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštyne.
- LTT 1991 – Latviešu tautas teikas: Izcelšanās teikas. Izlase / Sastādītāja Alma Ancelāne. Rīga, 1991.
- Pokorny 1959 – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Bern-München, 1959.
- SV 1987 – Sužeistas vėjas: Lietuvių liaudies mitologinės sakmės / Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1987.
- ŠLSA 1975 – Šiaurės Lietuvos sakmės ir anekdotai / Surinko Matas Slančiauskas. Vilnius, 1975.
- Walde, Hofmann I–II – Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde / 3., neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann, Bde. I–II. Heidelberg, 1938–1954.